

СЕМЬ ДОРОГ

Кирилл Боровлёв

Семь дорог

«Автор»

2026

Боровлёв К.

Семь дорог / К. Боровлёв — «Автор», 2026

Конец XXI века. Человечество победило бедность, передало работу машинам, а управление – искусственному интеллекту. Нерешённым остался единственный вопрос, с которым не справляется ни один алгоритм: ради чего теперь жить? Шестнадцатилетние Итан и София – участники «Проекта Семь». Их подобрали в пару не по совместимости – по несовместимости. За несколько часов реального времени им предстоит прожить семь вариантов будущего – семь жизней по шестнадцать лет: мир, где ничего не нужно заслуживать, миры безграничных переживаний, ручного труда, дальнего космоса, изменённого человека, простой жизни и абсолютной свободы. После каждой жизни они просыпаются шестнадцатилетними – с памятью обо всём: о любви, о выборе, о людях, которых больше нет. И, возможно, никогда не было. Считается, что семь дорог помогут человечеству выбрать будущее. Но герои всё яснее понимают: эксперимент задаёт другой вопрос. Если машина способна заранее убереечь тебя от любой ошибки – что останется от твоей свободы?

© Боровлёв К., 2026

© Автор, 2026

Кирилл Боровлёв

Семь дорог

СЕМЬ ДОРОГ

Эту книгу я посвящаю своему другу – Виктору Кузьмину, человеку, который всегда искал и продолжает искать смыслы, и своей супруге – Анне, благодаря которой, я нашёл.

СЛОВАРЬ

Аргус: глобальная прогнозная система, задействованная в «Проекте Семь».

Атлас человеческой непрерывности: исследовательский архив, посвящённый памяти, культуре и сохранению человеческой идентичности.

Белая комната: служебное обозначение нейтрального пространства между этапами эксперимента.

Быстрые и Медленные: неофициальные названия групп, по-разному относящихся к когнитивным изменениям человека.

Индекс: агрегированный показатель развития человека, используемый в одной из общественных моделей.

Когнитивный ансамбль: форма совместной интеллектуальной работы с расширенными средствами памяти, анализа и связи.

Меридиан: международный исследовательский кампус на калифорнийском побережье, где начинается «Проект Семь».

Пелагея: научно-исследовательский корабль дальнего класса.

Переходы: инфраструктура, позволяющая человеку сменить выбранный уклад жизни и получить базовую поддержку.

Проект Семь: эксперимент, в котором участники проживают несколько возможных вариантов человеческого будущего.

Совет совместимости: институт, регулирующий практические границы между различными добровольными сообществами.

Субъективное время: время, которое переживает сознание участника внутри моделируемой среды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СТАРОГО МИРА

Глава 1. Девочка с голосом из прошлого

Глава 2. Ночь перед семью дорогами

Глава 3. Согласие

ДОРОГА I. САД

Глава 1. Нулевой понедельник

Глава 2. Индекс

Глава 3. Девяносто один и две

Глава 4. Человек без числа

Глава 5. Лучший из нас

Глава 6. Ноль

Интерлюдия I. Шестнадцать

ДОРОГА II. ОКЕАН

Глава 1. Вода, которой не было

Глава 2. Тысяча жизней

Глава 3. Идеальная версия

Глава 4. Человек, которого можно настроить

Глава 5. Самый счастливый день

Глава 6. Берег

Глава 7. Последнее путешествие

Интерлюдия II. Копия

ДОРОГА III. МАСТЕРСКАЯ

Глава 1. След руки

Глава 2. Двенадцать лет

Глава 3. Подпись

Глава 4. Машина, которая написала лучше

Глава 5. Те, кто не умеет

Глава 6. Книга

Глава 7. Море

Глава 8. То, что остаётся

Интерлюдия III. Белая комната

ДОРОГА IV. ЗВЁЗДЫ

Глава 1. Небо, которое вернули

Глава 2. Карта исчезающих мест

Глава 3. Пелагея

Глава 4. Маленькие вещи

Глава 5. Задержка

Глава 6. Цена знания

Глава 7. Две жизни

Глава 8. Возвращение света

Интерлюдия IV. Расстояние

ДОРОГА V. МЕТАМОРФОЗА

Глава 1. Версия 1.0

Глава 2. Человек без забывания

Глава 3. Лучший муж

Глава 4. Медленные

Глава 5. Тысяча разговоров

Глава 6. Улучшенный

Глава 7. Возврат невозможен

Глава 8. Тест Тесея

Интерлюдия V. Чужое лицо

ДОРОГА VI. ДОМ

Глава 1. Земля

Глава 2. Дом строят медленно

Глава 3. Лус

Глава 4. Маленькая цивилизация

Глава 5. Температура

Глава 6. Сложная цивилизация

Глава 7. После спасения

Глава 8. Белая комната

Интерлюдия VI. Свобода

ДОРОГА VII. СВОБОДА

Глава 1. Мир без ответа

Глава 2. Право на выход

Глава 3. Добровольная клетка

Глава 4. Ошибка

Глава 5. Дочь

Глава 6. Аргус

Глава 7. Сто двенадцать лет

Глава 8. Голос

ЭПИЛОГ. ВОСЬМАЯ ДОРОГА

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СТАРОГО МИРА

Глава 1. Девочка с голосом из прошлого

В день, когда мир окончательно перестал нуждаться в его будущем, Итан Уокер опоздал на собственное собеседование на семь минут.

Это было почти достижение. В кампусе «Меридиан» никто не опаздывал – не потому, что все отличались дисциплиной, а потому, что здания сами подстраивались под расписание людей. Коридоры меняли направление потока, лифты ждали, двери предупреждали о задержках, а персональный помощник Итана последние двенадцать минут спокойно предлагал ему три маршрута, каждый из которых гарантировал прибытие вовремя.

Сегодня упрямство не приносило удовольствия. В шестнадцать лет ему уже успели объяснить, что перед ним открыты почти все дороги, которыми прежде гордились взрослые, а затем так же спокойно сообщили, что большая часть этих дорог больше никому не нужна. Университеты оставались, лаборатории работали, компании сохраняли названия и стеклянные башни, но слово «карьера» звучало примерно так же, как «телеграф»: понятно, исторически важно и немного смешно.

Отец продолжал произносить его всерьёз. За завтраком он спросил, подготовил ли Итан вопросы комиссии, и машинально поправил манжету рубашки, хотя уже три года не ходил в офис. Он заметил этот жест и промолчал. В последнее время молчание между ними часто начиналось с вещей, которые оба считали слишком мелкими, чтобы обсуждать, и постепенно именно из них складывалась пропасть между поколениями.

Он стоял у стеклянной стены перехода между жилым корпусом и центральным павильоном и смотрел, как над Тихим океаном разворачивается гроза.

Гроза была настоящей, и это, как ни странно, имело значение.

Большая часть побережья уже полвека жила под климатическим управлением: города умели отводить ураганы, растягивать осадки по неделям, гасить пожары ещё до того, как огонь выходил из корней. Но над океаном оставляли полосу неуправляемой атмосферы – «для сохранения естественных процессов», как значилось в официальных материалах. Итан подозревал, что настоящая причина была проще: людям нравилось смотреть на то, что им не подчиняется.

Молния разрезала горизонт, на мгновение выбелив стекло перехода и тёмную полосу океана за ним.

— Если будешь и дальше смотреть на грозу, опоздаешь ещё сильнее, Итан.

Голос за спиной оказался девичьим – спокойным, чуть насмешливым, с тем редким оттенком уверенности, который в шестнадцать лет обычно принимают за дерзость. Итан обернулся и увидел Софию Рейес впервые.

Она стояла в пяти шагах, прижимая к груди старый деревянный футляр. Настоящее дерево – тёмное на углах от десятилетий прикосновений, с царапинами, потёртыми латунными застёжками и бледным кругом от давно снятой наклейки. Рядом с гладкими стенами «Мери-диана», где даже ручки дверей выращивали из самовосстанавливающихся композитов, футляр выглядел почти вызывающе.

Софии было шестнадцать. Невысокая, тонкая, с тёмными волосами, собранными на затылке, и серо-кариими глазами, которые меняли оттенок в зависимости от света. Влажный воздух вытянул из причёски две пряди; одна прилипла к щеке, но София будто не замечала. На её бейдже светилась надпись: **SOFÍA REYES – MÉXICO**.

Она уже успела услышать, как браслет несколько раз назвал Итана по имени, так что церемония знакомства оказалась лишней. В нескольких сухих фразах выяснилось, что футляр принадлежал её бабушке Лус Рейес и в нём лежала харана – маленькая оахакская гитара. София играла на ней с детства. На вопрос, почему инструмент не цифровой, она посмотрела на Итана так, будто он только что предложил оцифровать запах дождя.

Итану понравился этот взгляд. Не потому, что был добрым. Наоборот: в нём чувствовалось обещание сопротивления. Большинство людей либо соглашались с ним слишком быстро, либо начинали спорить ещё до того, как понимали его мысль. София, похоже, собиралась сначала понять, а потом уже решить, стоит ли он возражения.

Только когда браслет снова вспыхнул красным, они обнаружили вторую причину своей встречи. София пришла заранее и ждала назначенного партнёра. Итан опоздал на семь минут. Алгоритм отбора, каким бы безличным он ни был, поставил их в одну пару. Она сочла это признаком своеобразного машинного юмора; он – возможной ошибкой системы. Оба, не договариваясь, пошли проверять, кто из них прав.

• • •

Кампус «Меридиан» построили на месте старого исследовательского комплекса к северу от Монтеррея. Его проектировали одновременно как университет, лабораторию и дипломатическую территорию: здесь не действовали национальные образовательные стандарты, местные политические ограничения и большинство коммерческих протоколов. Формально кампус принадлежал Международному координационному совету, фактически – никому.

Итану нравилось это «никому» – в нём слышалась обещанная поколению его родителей свобода от старых границ.

После дождя стеклянные переходы быстро высохли. По кромкам крыши пробежали сервисные машины размером с ладонь, втянули воду и исчезли в технических щелях. На старых фотографиях кампуса, которые Итан видел утром, здесь стояли асфальтовые парковки, металлические ограждения и ряды одинаковых лабораторных корпусов. Теперь между зданиями росли секвойи, а на месте стоянки лежало мелкое озеро, куда уходила лишняя вода после штормов. Будущее редко приходило в виде летающих автомобилей и светящихся башен. Чаще оно просто убирало то, к чему люди когда-то привыкли настолько, что перестали замечать.

Итану нравились такие исчезновения. Они казались доказательством, что мир умеет исправлять себя. Плохой транспорт можно было заменить. Неэффективную энергетику – перестроить. Болезнь – обнаружить до симптомов. Ошибку – вычислить раньше, чем она станет трагедией. В шестнадцать лет он ещё не называл это верой. Для него это было почти свойством материи: если существует более точное решение, рано или поздно кто-нибудь его найдёт.

София шла рядом и иногда касалась большим пальцем потёртого ребра футляра. Движение повторялось через несколько шагов, словно девушка проверяла, на месте ли вещь. Итан заметил привычку и почти спросил, но промолчал. В её присутствии ему неожиданно хотелось

не заполнить каждую паузу, а понять, что в ней происходит. Это было непривычно и потому немного раздражало.

Он вырос в мире, где слово «страна» всё ещё существовало, но всё чаще обозначало язык, историю, кухню и спортивную команду, а не границу, за которой заканчивались права или начинались другие деньги. Его отец называл это «размыванием ответственности». Мать – «созреванием вида».

Обычно они спорили об этом за ужином.

Последние два года отец спорил всё меньше, и Итан начинал понимать, что дело было не в согласии, а в усталости.

Его компания строила логистические платформы для глобальных перевозок, пока однажды не выяснилось, что транспортный ИИ умеет проектировать их быстрее, безопаснее и дешевле. Совет директоров ещё существовал. Офисы ещё существовали. Даже должности сохранялись – главным образом потому, что людям было психологически трудно пережить исчезновение собственной необходимости без красивой таблички на двери.

Отец всё чаще уходил из дома утром и возвращался раньше Итана, сохраняя распорядок человека, которому уже некуда было по-настоящему спешить.

Однажды Итан спросил его, чем он теперь занимается.

Отец ответил:

«Советую системе, как ей лучше делать то, что она и без меня делает лучше».

Итан тогда засмеялся, приняв сухую реплику за шутку.

Отец не улыбнулся, и только спустя несколько месяцев парень понял почему.

Двери переговорной открылись раньше, чем они подошли.

Внутри было четыре кресла и ни одного стола. За прозрачной стеной шёл дождь. Посередине комнаты висела световая сфера размером с футбольный мяч – интерфейс локального ИИ.

— Итан Уокер. София Рейес, — произнёс голос. — Спасибо, что пришли.

— Даже мне? — спросил Итан.

— В особенности вам. Вероятность вашего опоздания составляла четыре процента.

— Рад быть редким событием.

София тихо фыркнула, пряча улыбку в воротнике.

На противоположной стене появилось лицо женщины лет сорока пяти. Чёрные волосы были коротко подстрижены, у правого виска серебрилась ранняя прядь. Узкое лицо, спокойный рот, внимательные тёмные глаза. Позже Итан узнает, что Мира Сен родилась в Ханчжоу, выросла между Китаем и Сингапуром, а докторскую по вычислительной нейropsихологии получила в Стэнфорде, когда подобные исследования ещё считались экзотическим стыком дисциплин. В её произношении почти не осталось географии, зато сохранилась манера делать паузу перед важной фразой – словно она сначала проверяла, выдержит ли человек её вес.

Сен руководила человеческой частью «Проекта Семь». Второй частью управлял Аргус – глобальная прогностическая система, чьё имя пока редко произносили вслух. В публичных материалах Аргус называли просто Системой: так было спокойнее. Итан знал, что Аргус распределял энергетику трёх континентальных сетей, координировал климатические контуры и участвовал в моделировании эпидемий. Он не знал, что через несколько часов этот же разум будет держать в памяти каждую секунду их следующих ста двенадцати лет.

Доктор Сен представилась без титульной торжественности и заметила, что в некотором смысле именно нечеловеческая половина проекта руководит ими всеми. Итан не сразу понял, шутка это или предупреждение.

На записи в комнате она казалась строже, чем на публичных выступлениях. Не из-за выражения лица. Просто камера не передавала привычки Сен слегка наклонять голову, когда собеседник говорил что-то важное, и не перебивать даже тогда, когда ответ был очевиден. В Стэнфорде, рассказывала её краткая биография, она начинала с исследований памяти после

тяжёлых травм, а затем перешла к моделированию личности. Её первая известная работа была посвящена не тому, сколько воспоминаний может сохранить мозг, а тому, сколько изменений он способен пережить, прежде чем человек перестаёт считать себя тем же самым.

София прочла эту строчку ещё утром. Теперь, глядя на женщину на стене, она подумала, что Сен выбрали руководить проектом не за способность понимать машины. Возможно, как раз наоборот – за профессиональную подозрительность к любому простому ответу на вопрос, что такое человек.

Сфера между креслами слегка потемнела.

— Сядьте, пожалуйста.

Они с Софией заняли кресла напротив друг друга.

— Вы знаете, зачем вас пригласили? — спросила доктор Сен.

— Чтобы выбрать модель будущего, — сказал Итан.

— Нет.

— Тогда материалы написаны плохо.

— Материалы написаны так, чтобы проверить, кто решит, будто уже понял эксперимент.

София повернула голову к Итану.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Доктор Сен не улыбнулась; по её лицу было трудно понять, считала ли она обмен репликами забавным или просто полезным наблюдением.

— Глобальная прогностическая система создала семь устойчивых сценариев постдефицитного общества. Каждый из них способен существовать столетиями без системного коллапса. Каждый обеспечивает высокий уровень базового благополучия. Каждый существенно снижает насилие, болезни, нищету и принудительный труд.

— И всё равно вы не знаете, какой выбрать, — сказала София.

— Мы знаем последствия каждого.

— Тогда в чём проблема?

Доктор Сен посмотрела прямо на неё.

— В том, что последствия — это не ценности.

Комната на несколько секунд погрузилась в тишину.

За стеклом по океану шла стена дождя.

— Система способна сказать, — продолжила доктор Сен, — сколько людей будут удовлетворены своей жизнью. Сколько проживут дольше. Сколько создадут произведений искусства. Сколько семей сохранятся. Сколько добровольно изменят собственную психику. Сколько уйдут в виртуальные среды. Сколько погибнут в исследованиях космоса. Она может оценить почти всё, что можно измерить.

— Но не может сказать, что важнее, — произнесла София.

— Именно.

Итан откинулся в кресле.

— Значит, вы хотите, чтобы люди проголосовали за сценарий после ознакомления?

— Ознакомление оказалось недостаточным.

— Почему?

— Потому что люди голосуют за образ себя, а не за жизнь, которую действительно способны выдержать.

На стене возникли семь символов.

Дерево.

Волна.

Рука с инструментом.

Созвездие.

Спираль ДНК.

Дом.

Открытая дверь.

Итан почувствовал знакомое возбуждение – то самое, которое испытывал перед задачей, достаточно сложной, чтобы остальные мысли на время переставали существовать.

— Вы собираетесь погружать участников в симуляцию.

— Не в симуляцию в привычном смысле, — ответила доктор Сен. — В субъективно непрерывную модель жизни.

— На сколько?

— Шестнадцать лет на сценарий.

Итан перестал улыбаться, будто цифра внезапно придала абстрактному эксперименту физический вес.

София замерла напротив него и крепче сжала ладонями деревянный футляр.

— Простите? — спросила она.

— Начало каждой дороги — ваш нынешний возраст. Шестнадцать лет. Конец — тридцать два. После завершения сценария вы вернётесь сюда. Физическое время зависит от сценария: некоторые стабилизируются за минуты, другим требуется несколько часов.

Итан быстро посчитал в уме, хотя ответ уже успел возникнуть в интерфейсе.

Семь дорог по шестнадцать лет – сто двенадцать лет субъективной жизни.

— Сто двенадцать лет.

— Субъективно — да.

— И мы всё запомним?

— В этом смысл.

— Всех людей?

— Да.

— Все отношения?

— Да.

— Боль?

Доктор Сен чуть медленнее ответила:

— Да.

София положила ладони на деревянный футляр.

— И смерть?

— Смерть внутри сценария возможна только в контролируемом диапазоне. Эксперимент не позволит сознанию участника прекратить субъективную линию раньше расчётной точки, но вы можете пережить смерть других людей.

— Других людей, которых вы создадите, — сказал Итан.

— Людей, которых система смоделирует.

— Это не одно и то же?

Доктор Сен впервые посмотрела не на него, а будто немного мимо.

— Через несколько дней после первой дороги вы перестанете считать этот вопрос простым.

София медленно провела пальцем по краю футляра.

— Почему пары?

— Потому что одиночный человек слишком легко меняет собственные критерии, не замечая этого. Нам нужна постоянная человеческая точка отсчёта. Кто-то, кто помнит вас прежнего.

— И нас выбрали по совместимости? — спросил Итан.

— По несовместимости определённого типа.

— Обнадёживает.

— Вы оба способны привязываться. Оба любопытны. Оба устойчивы к длительным когнитивным нагрузкам. Но ваши ценностные профили расходятся в критических местах.

София подняла бровь.

— То есть мы будем раздражать друг друга сто двенадцать лет.

— Если вам повезёт, не только.

Доктор Сен выключила изображение семи символов.

— Сегодня вы можете отказаться. Завтра — тоже. Между дорогами — после каждой. Никаких штрафов, никакой стигмы. Вы не обязаны доказывать смелость. Вы обязаны только понимать, что согласие на первый сценарий не является согласием на остальные.

— А если один откажется? — спросил Итан.

— Пара прекращает участие.

Он повернулся к Софии.

Она встретила его взгляд без улыбки.

За всё это время их разговора он не придумал мгновенного ответа.

• • •

После интервью им разрешили уйти до вечера.

До общежитий было меньше километра, но они пошли длинной дорожкой вдоль воды. За низким парашютом океан ещё хранил следы прошедшей грозы. Волны были тяжёлыми, серыми, и на их гребнях рвался белый свет. Несколько учебных дронов зависли над берегом, собирая данные о планктоне; дальше, почти у горизонта, медленно двигалась автономная ферма, похожая на тёмный остров.

София сняла с плеча футляр и на несколько секунд поставила его на влажную скамью. Итан машинально потянулся помочь, но остановился. Вещь выглядела тяжёлой только потому, что была старой. На самом деле девушка несла её легко. Ему пришло в голову, что он с самого начала воспринимал футляр как задачу: почему дерево, почему через океан, почему не копия? Для Софии никакой задачи не существовало. Она просто несла инструмент бабушки.

Это различие почему-то осталось с ним дольше, чем большая часть слов доктора Сен.

Дождь закончился так же быстро, как начался. Над кампусом раскрывалось бледное небо, а дорожки блестели, отражая башни и редкие деревья.

Они вышли вместе, хотя никто не просил их это делать.

— Ты согласишься? — спросил он.

— Я тебя знаю двадцать семь минут.

— Вопрос был не обо мне.

— Уже немного о тебе.

— Почему?

— Потому что если ты решишь выйти после первой дороги, выйду и я.

— А если ты?

— То же самое.

Он несколько шагов молчал.

— Ненавижу задачи, в которых половина переменных зависит от другого человека.

— Тогда тебе достался хороший эксперимент.

Они дошли до развилки дорожек. Направо располагались жилые корпуса международных участников, налево — библиотека и музыкальный павильон. София остановилась.

— Мне туда.

— Репетировать?

Она посмотрела на футляр.

— Позвонить бабушке.

— Через инструмент?

— Нет, гений. Перед тем как сыграть.

Он засмеялся.

— Увидимся вечером.

Она уже сделала шаг, но обернулась.

— Итан.

— Да?

— Ты правда думаешь, что, если машина принимает решение лучше человека, человек должен отдать ей решение?

Он пожал плечами.

— Если лучше — почему нет?

— Даже если решение касается твоей жизни?

— Особенно если касается моей жизни.

София несколько секунд смотрела на него.

— Тогда мы действительно очень несовместимы.

— Доктор Сен будет довольна.

— Я бы на твоём месте не спешила её радовать.

Она ушла.

Итан смотрел ей вслед дольше, чем требовалось.

Потом его браслет мягко сообщил, что через девять минут начинается лекция по когнитивной безопасности.

На этот раз он пошёл сразу.

Но всю дорогу думал не о проекте.

Он думал о том, почему человек приносит через океан инструмент, который любая фабрика могла воспроизвести до последней царапины.

И почему копия всё равно была бы другой вещью.

Глава 2. Ночь перед семью дорогами

Вечером кампус устроил прощальный ужин для тех, кто утром должен был войти в «Проект Семь».

Слово «прощальный» официально нигде не использовалось.

На экранах значилось: ПЕРИОД ПРЕДЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ.

— Это называется вечеринка, — сказала София, читая надпись.

— Нет. Вечеринка предполагает, что кому-то весело.

— Тебе уже дали еду бесплатно. Чего ещё ты хочешь?

— Она и так бесплатная.

— Тогда ты безнадёжен.

Большой зал выходил окнами к океану. Сто пятьдесят подростков из разных стран сидели группами, перемешиваясь по языкам, акцентам и нервозности. Кто-то громко смеялся. Кто-то уже плакал. Несколько человек пытались вести себя так, будто завтра им предстоял обычный медицинский тест.

Сервировка выглядела нарочито обычной. Настоящие тарелки вместо проекционных поверхностей, тканевые салфетки, кувшины с водой, блюда, которые нужно было передавать соседу руками. Только когда один из подростков уронил стакан, пол под ним на мгновение стал пористым, втянул осколки и снова затвердел. Никто даже не обернулся. То, что для прадедов, казалось бы, чудом, теперь относилось к незаметной санитарии.

Итан наблюдал за залом с любопытством человека, которому завтра предстояло войти в лабораторию, а сегодня разрешили рассмотреть других подопытных. Он быстро придумывал им истории. Высокий парень у окна шутил слишком громко и, скорее всего, боялся. Девушка в красной рубашке уже третий раз перечитывала одно и то же сообщение. Бразильцы держа-

лись за руки. Кто-то ел с таким сосредоточением, будто пытался запомнить вкус последнего настоящего ужина.

София, напротив, почти не смотрела на остальных. Она ела медленно и время от времени касалась телефона, где оставалось непрслушанное сообщение от бабушки. Голос Лус был записан ещё утром. Девушка боялась включать его здесь, среди ста пятидесяти чужих жизней. Некоторые вещи, подумала она, не становились менее личными только потому, что технология позволяла хранить их вечно.

Итан заметил одну пару, которая сидела, держась за руки, и не разговаривала.

— Они знакомы давно? — спросил он.

София проследила за его взглядом.

— Бразильцы. Двоюродные брат и сестра.

— Нас подбирали не только по романтической совместимости.

— Тебя это беспокоит?

— Меня беспокоит слово «совместимость».

— Тебе ведь сказали обратное.

— Именно поэтому.

На сцену поднялся мужчина в традиционной тёмной одежде без национальных знаков. Он представился координатором этического совета и начал говорить о достоинстве участника, праве прекращения, психологической поддержке и историческом значении проекта.

Итан перестал слушать на третьей минуте. София заметила.

— Ты всегда скучаешь, когда человек говорит о морали?

— Нет. Только когда он говорит о ней дольше, чем требуется, чтобы сформулировать принцип.

— А если принцип сложный?

— Тогда он, скорее всего, маскирует противоречие.

— Или реальность.

Он посмотрел на неё.

— Ты любишь спорить.

— Я люблю, когда люди замечают, что у их простых ответов есть цена.

— У сложных тоже.

— Конечно.

— Тогда зачем предпочитать сложные?

— Я не предпочитаю. Я им доверяю больше.

На сцене заговорили о семейных звонках перед подключением. София опустила глаза.

— Бабушка ответила? — спросил Итан.

— Да.

— И что сказала?

— Что я сумасшедшая.

— Мудрая женщина.

— Потом спросила, поела ли я.

— Ещё мудрее.

София улыбнулась, но глаза у неё остались серьёзными.

— Она не понимает, зачем мне это.

— А ты понимаешь?

София задумалась.

— Нет.

— Тогда вы согласны.

— Не совсем. Она считает, что если не понимаешь, зачем входить в дверь, лучше не входить. А я думаю, иногда это единственная причина войти.

Итан посмотрел на неё чуть дольше обычного.

— Ты сейчас сказала почти то же самое, что мог бы сказать я.

— Не привыкай.

После ужина участников разделили на группы для последней медицинской проверки. Итану сканировали сосуды, проверяли нейронные импланты, измеряли скорость консолидации памяти и ещё раз задавали вопросы о страхах, зависимостях, религиозных ограничениях и травматическом опыте.

Последний вопрос задал не человек.

— Чего вы боитесь больше всего? — спросил голос из стены.

— Это медицинский вопрос?

— Психологический.

— Ошибиться в ответе.

— Это не ответ.

— Тогда стать бесполезным.

Пауза длилась меньше секунды, но Итан почувствовал, что система что-то сохранила.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Потому что всё остальное можно исправить.

— Смерть?

— В перспективе — возможно.

— Потерю?

— Частично.

— Любовь?

Итан усмехнулся.

— А что с ней не так?

Система не ответила.

• • •

К полуночи кампус затих.

Итан вернулся в комнату, лёг и двадцать минут смотрел в потолок. Сон не приходил.

Он вызвал на стену схему эксперимента. Семь дорог. Семь блоков. Между ними — периоды восстановления, тесты, возможность отказа.

На диаграмме всё выглядело стерильно.

Шестнадцать лет были прямоугольником длиной в четыре сантиметра. Он увеличил изображение.

Прямоугольник стал длиной в метр. Ничего не изменилось. Итан выключил стену.

В коридоре кто-то прошёл босиком.

Через несколько минут он тоже вышел.

Ночной кампус выглядел иначе: без студентов, без транспортных капсул, без информационных проекций. Только мягкое освещение дорожек и шум океана.

Он сам не знал, куда идёт, пока не услышал музыку.

Она доносилась из музыкального павильона. Дверь была открыта.

София сидела на краю маленькой сцены в пустом зале. Харана лежала у неё на коленях. Она играла очень тихо, почти для себя.

Итан остановился у входа.

София не подняла головы.

— Можешь войти.

— Откуда ты знаешь, что это я?

— Ты единственный человек здесь, который ходит так, будто спорит с полом.

Он сел в первом ряду.

— Что это?

— Песня.

— Я снова догадался.

— Прогресс.

Она продолжила играть.

Мелодия была простой. Несколько повторяющихся аккордов, короткая линия голоса. Итан не понимал слов – испанский он знал плохо, сапотекский не знал совсем, а София, кажется, смешивала оба языка.

Но ему почему-то не хотелось включать перевод.

Когда песня закончилась, он спросил:

— О чём она?

— О человеке, который ушёл далеко и просит дорогу помнить его шаги.

— Дороги не помнят.

— В песнях помнят.

— Это нечестный аргумент.

— Музыка вообще нечестная вещь.

Она положила ладонь на струны.

— Почему ты не спишь?

— Думаю.

— Ужасно.

— А ты?

— Боюсь.

Ответ был настолько прямым, что Итан не сразу нашёл шутку.

— Чего?

— Того, что всё будет настоящим.

— Оно не будет настоящим.

София посмотрела на него.

— Вот этого тоже боюсь.

— Это противоречие.

— Нет. Если я проживу шестнадцать лет, полюблю людей, буду помнить дни рождения, похороны, запах дома, а потом мне скажут, что ничего этого не существовало... что именно должно меня утешить?

Итан задумался.

— Что никто на самом деле не умер.

— А если я по ним скучаю?

— Тогда скука настоящая.

— Значит, часть жизни была настоящей.

Он хотел возразить, но понял, что не знает как. София улыбнулась.

— Ты опять не любишь задачу.

— Я просто уточняю определения.

— Конечно.

Она протянула ему инструмент.

— Хочешь попробовать?

— Я не умею.

— Именно поэтому.

— Обычно люди начинают с причины «ты научишься».

— Мне моя нравится больше.

Итан взял харану. Она оказалась легче, чем ожидал, и тёплой от Софиных рук.

— Куда пальцы?

Она пересела рядом и поставила его левую руку на гриф.

— Вот сюда. Нет, большой палец сзади.

— Это не эргономично.

— Ты держишь её десять секунд.

— И уже вижу недостатки конструкции.

— Харане около ста лет. Она переживёт твою критику.

Он попробовал провести по струнам. Получился дребезжащий звук. София засмеялась.

— Ужасно.

— Я предупреждал.

— Ещё раз.

Второй звук был лучше. Третий – почти чистый.

Итан неожиданно почувствовал удовлетворение, совершенно несоразмерное результату.

— Видишь? — сказала София.

— Что?

— Ты сделал что-то плохо и не умер.

— Пока.

— Может, в этом и будет твой главный урок.

Он вернул ей инструмент.

— А твой?

София задумалась.

— Возможно, что некоторые вещи стоит доверить другим.

— Машинам?

— Не обольщайся. Людям.

Они сидели молча.

За окнами музыкального павильона океан был чёрным. Далеко в море двигались огни автономных судов. Они шли без экипажа, без капитанов, без усталости, прокладывая маршруты, которые когда-то требовали десятков людей.

— Мой отец ненавидит этот проект, — вдруг сказал Итан.

— Почему?

— Он считает, что мы ищем философию для мира, который сломали раньше, чем поняли, что делаем.

— А ты?

— Я думаю, старый мир был сломан сильнее.

— Это не ответ.

— Я знаю.

София посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Запомню этот исторический момент.

Итан улыбнулся, затем спросил:

— А твоя семья?

— Мама считает, что это шанс. Папа считает, что эксперимент нельзя проводить на шестнадцатилетних. Бабушка считает, что любой человек, который добровольно позволяет машине придумать ему жизнь, заслуживает всё, что с ним случится.

— Мне нравится твоя бабушка.

— Ей бы ты не понравился.

— Пока не познакомилась.

— Именно после знакомства.

Они снова засмеялись. Смех стих медленно.

Итан заметил, что сидят они слишком близко. София тоже заметила. Но не отодвинулась.

— Завтра мы можем проснуться и прожить вместе шестнадцать лет, — сказал он.

— Очень романтично.

— Это статистическое утверждение.

— Ещё романтичнее.

— Я не это имел в виду.

— Знаю.

— А что, если мы друг друга возненавидим?

— Тогда у нас будет хороший повод не идти во вторую дорогу.

— А если наоборот?

София посмотрела прямо на него.

— Тогда будет сложнее.

Он почувствовал, что между вопросом и ответом осталось что-то ещё, не произнесённое.

В шестнадцать лет человек часто уверен, что важные моменты сопровождаются ясностью. Но чаще они похожи на паузу, в которой никто не знает, кто должен сделать следующий шаг. Итан сделал.

Он наклонился к ней. София не отстранилась.

Первый поцелуй оказался не похож ни на одну из симуляций, которые он когда-либо пробовал. Не потому, что был лучше. Он был неловким. Итан слишком поздно понял, куда деть руку. София тихо ударилась зубами о его губу и сразу отстранилась, смеясь.

— Великолепно, — сказала она. — Буду помнить сто двенадцать лет.

— Можно повторить для улучшения данных.

— Теперь это уже ты романтик.

Второй раз был лучше.

Когда они разошлись, София положила лоб ему на плечо.

— Итан.

— Мм?

— Давай договоримся кое о чём.

— О чём?

— Не обещать, что будем вместе во всех дорогах.

Он чуть отстранился.

— Почему?

— Потому что тогда мы будем выбирать не жизнь, а обещание.

— Это плохо?

— Не знаю. Но эксперимент должен что-то значить.

— А если после первой жизни я захочу продолжить только если ты продолжишь?

— Скажешь мне это тогда.

— И ты решишь.

— Да.

Итан долго смотрел на неё.

— Ненавижу условия, в которых нельзя зафиксировать решение заранее.

— Я заметила.

— Ладно.

— Ладно что?

— Никаких обещаний на семь дорог.

София протянула руку. Он пожал её.

Она не отпустила. Итан тоже.

Через час они разошлись по комнатам.

Перед сном его браслет спросил, желает ли он отключить утреннее напоминание и довернуть пробуждение системе подготовки. Итан нажал «да».

Потом подумал и отменил.

Впервые за долгое время ему захотелось самому услышать будильник.

Глава 3. Согласие

Утро началось в 05:40.

Итан проснулся за секунду до сигнала.

Это его разозлило: организм умудрился превратить маленький акт независимости в бессмысленный жест.

Он лежал в темноте и слушал, как за стеной открывается вентиляционная панель. Через несколько минут ему предстояло пройти в медицинский корпус, подписать согласие, лечь в капсулу и открыть глаза в мире, которого никогда не существовало.

В шестнадцать лет большинство утр начинались вопросом, успеешь ли на занятия.

Это начиналось вопросом, сколько лет тебе будет к обеду. Он встал.

На экране у двери появилось сообщение от отца.

НЕ СПИШЬ?

Итан открыл канал.

Лицо Дэниела Уокера возникло почти сразу. Отец сидел в домашнем кабинете. За его спиной было окно с видом на залив и книжная полка, собранная ещё тогда, когда книги покупали не из-за запаха бумаги, а потому что иначе их было не прочитать.

— Привет, — сказал Итан.

— Привет.

Они помолчали.

— Мама спит? — спросил Итан.

— Делает вид.

— Понятно.

Отец выглядел старше, чем вчера. Возможно, просто не брился.

— Ты можешь отказаться, — сказал он.

— Знаю.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Это не экзамен. Не проект. Не олимпиада. Тебе не нужно доказывать, что ты способен выдержать больше остальных.

— Я не поэтому иду.

— А почему?

Итан открыл рот и понял, что готового ответа нет.

— Потому что кто-то должен узнать, что будет дальше.

Отец устало улыбнулся.

— Вот именно этого я и боялся.

— Чего?

— Что ты действительно в это веришь.

— А что плохого?

— Ничего, если будущее — задача. Но оно не задача, Итан.

— Почему?

— Потому что в задаче условие не меняется, пока ты её решаешь.

Итан хотел возразить.

Не успел.

— Я всю жизнь думал, — продолжил отец, — что, если буду достаточно хорош в своём деле, мир всегда найдёт мне применение. Потом мир нашёл способ делать моё дело без меня. И знаешь, что оказалось хуже всего?

— Что?

— Не потеря работы. Потеря аргумента, почему я вставал утром.

Итан отвёл взгляд.
Отец редко говорил так прямо.
— Ты найдёшь другой.
— Возможно. Но я не хочу, чтобы ты провёл сто лет, доказывая машине, что человек заслуживает существования.
— Проект не об этом.
— Надеюсь.
Они снова замолчали.
— Я горжусь тобой, — сказал отец.
Итан поморщился.
— Не говори так, будто я улетаю на войну.
— Хорошо. Тогда я раздражён тобой, как обычно.
— Уже лучше.
— Позвони после первой дороги.
— Для тебя пройдёт час.
— Для тебя шестнадцать лет.
Отец посмотрел прямо в камеру.
— Поэтому позвони.
Канал закрылся.
Итан ещё несколько секунд смотрел на пустой экран.
Потом увидел новое сообщение.
От Софии.
ТЫ УЖЕ ПЕРЕДУМАЛ?
Он ответил:
НЕТ. А ТЫ?
Через секунду:
ЕЩЁ НЕТ.
• • •
Зал подключения находился под землёй.
Сорок две капсулы стояли двумя рядами. Они были похожи на медицинские лежа без крышек: белые, гладкие, с тонкими дугами нейроинтерфейсов над подголовниками. В воздухе пахло антисептиком и озоном.
Каждую пару проводили в отдельную прозрачную секцию.
София уже ждала его.
На ней была серая медицинская одежда. Без футляра, без браслета, без украшений она казалась моложе.
— Где харана? — спросил Итан.
— В шкафчике.
— Странно тебя видеть без неё.
— Мы знакомы меньше суток.
— Это долго.
— Для тебя пока нет.
Доктор Сен вошла через боковую дверь.
— Последняя процедура согласия, — сказала она. — После неё у вас будет пять минут на отказ без объяснений.
На стене появился текст.
Не юридический документ – обычные короткие предложения.
Я понимаю, что субъективно проживу до шестнадцати лет в каждом сценарии.

Я понимаю, что могу сформировать глубокие эмоциональные связи с моделируемыми людьми.

Я понимаю, что эти связи могут сохранять эмоциональную значимость после завершения сценария.

Я понимаю, что могу пережить утрату, болезнь, страх, расставание и другие формы психологического страдания.

Я понимаю, что воспоминания предыдущих дорог будут доступны в последующих.

Я понимаю, что после каждой дороги могу отказаться от продолжения.

Я понимаю, что отказ одного участника завершает участие пары.

Я понимаю, что эксперимент не обещает мне ответа.

Последняя фраза заставила Итана поднять глаза.

— Это новая формулировка?

— Нет, — ответила доктор Сен.

— В материалах её не было.

— Материалы не являются согласием.

София прочитала фразу ещё раз.

— Что значит «не обещает ответа»?

— Ровно то, что написано.

— Тогда зачем всё это?

Доктор Сен посмотрела на них обоих.

— Чтобы вы смогли задать вопрос иначе.

Итан раздражённо выдохнул.

— Очень удобно.

— Некоторые вещи удобными не бывают.

На панели загорелись два поля подтверждения.

София не касалась своего.

— Итан, — сказала она.

— Да?

— Если я нажму, ты нажмёшь потому, что хочешь, а не потому, что я нажала?

Он почувствовал укол раздражения – не на неё, а на сам вопрос.

— Да.

— Точно?

— София.

— Точно?

Он заставил себя не отвечать мгновенно. Вспомнил ночную договорённость. Не обещать заранее.

— Да. Я хочу.

Она кивнула. И нажала. Итан нажал следом.

Система произнесла:

— Согласие подтверждено.

Странно, но после этого ничего не изменилось.

Никто не заиграл музыку. Не вспыхнул свет.

Мир не отметил момент, когда два шестнадцатилетних человека согласились прожить больше века.

До первого подключения оставалось меньше часа, и этот час оказался удивительно бытовым. Им выдали воду в мягких прозрачных пакетах, попросили снять серьги, часы и любые предметы с активными датчиками. В соседнем помещении кто-то спорил с медсестрой из-за контактных линз. По коридору прошёл мальчишка в носках с динозаврами, держа за руку отца. Итан поймал себя на том, что рассматривает эти мелочи внимательнее, чем схемы нейроин-

терфейса: белую полоску пластыря на запястье Софии, след от резинки у неё на волосах, крошечную царапину на собственном большом пальце. Через несколько минут всё это должно было остаться по ту сторону опыта длиной в жизнь.

Она сидела на краю кресла, болтая ногой, и пыталась открыть пакет с водой. Тонкий шов не поддавался. Итан молча взял пакет, надорвал край и вернул ей. Она выпила, поморщилась от тёплой воды и сказала, что на вкус она как пластик. Потом они оба рассмеялись – слишком громко для стерильной комнаты. Смех быстро стих, но после него стало легче. Не потому, что страх исчез. Просто страх снова оказался частью обычного дня, где вода может быть невкусной, пакет неудобным, а человек рядом – живым и знакомым.

— Ложитесь, — сказала доктор Сен.

Капсулы стояли рядом.

Итан лёг первым. Материал под спиной подстроился под тело. Дуга интерфейса опустилась к вискам. София легла справа.

Между капсулами оставалось около метра.

— Можете говорить, пока не начнётся индукция, — сказала доктор Сен.

— Сколько времени? — спросил Итан.

— Около двух минут.

Доктор вышла. Прозрачная дверь закрылась.

София смотрела в потолок.

— Ненавижу медицинские помещения, — сказала она.

— Почему?

— Потому что здесь всё выглядит так, будто любое чувство уже классифицировано.

— Это полезно.

— Конечно, ты так думаешь.

— Ты всё ещё можешь отказаться.

— Ты тоже.

— Не хочу.

— Я тоже.

Из дуги над головой вышел тихий щелчок.

Итан почувствовал прохладу у виска.

— София.

— Что?

— Если мы проснёмся и будем друг друга ненавидеть...

— Ты уже спрашивал.

— Я не закончил.

— Хорошо.

— Напомни мне, что сейчас мы не ненавидели.

Она повернула голову к нему.

— Это не поможет.

— Почему?

— Потому что тогда мы будем помнить, что потеряли.

Он усмехнулся.

— Ты умеешь поддерживать.

— Всегда пожалуйста.

Система начала отсчёт.

ДЕСЯТЬ.

Свет в комнате стал мягче.

ДЕВЯТЬ.

— Итан?

— Да?

ВОСЕМЬ.

— Мне страшно.

СЕМЬ.

Он повернул голову.

— Мне тоже.

Она улыбнулась.

— Наконец-то нормальный ответ.

ШЕСТЬ.

Итан протянул руку в сторону края капсулы.

До Софии он не доставал.

ПЯТЬ.

Она сделала то же самое.

Между их пальцами оставалось сантиметров двадцать.

ЧЕТЫРЕ.

— Это глупо, — сказал Итан.

— Да.

ТРИ.

Они всё равно не убрали руки.

ДВА.

Последнее, что Итан увидел перед тем, как потолок исчез, были пальцы Софии, лежащие на белом краю капсулы напротив его пальцев.

ОДИН.

Мир выключился.

Не погас.

Он просто выключился: без темноты, без ощущения падения, без перехода.

А потом Итан открыл глаза.

Над ним шумели листья.

Он лежал на траве.

Настоящее солнце — или солнце, которое было невозможно отличить от настоящего, — светило сквозь ветви огромного дерева.

Где-то рядом смеялись люди.

В воздухе пахло землёй и яблоками.

На запыстье не было браслета. Итан сел.

В нескольких метрах от него София медленно поднималась с травы.

Она выглядела точно так же, как минуту назад. Шестнадцать лет.

Тёмные волосы. Серо-карие глаза. Испуганное выражение лица.

— Мы здесь? — спросила она.

Итан посмотрел вокруг.

За деревьями поднимались белые здания, покрытые зеленью. По дорожкам шли люди. Никто не спешил. Никто не смотрел на часы. Над дальним холмом парили транспортные платформы, но они двигались так тихо, что их почти не было слышно.

На траве перед Итаном лежала тонкая карточка. Он поднял её.

На ней было написано всего две строки:

ДОРОГА I: САД.

ВАМ НЕ НУЖНО НИЧЕГО ЗАРАБАТЫВАТЬ.

София прочитала через его плечо.

— Звучит подозрительно.

— Звучит прекрасно.

Она посмотрела на него.

— Вот поэтому и подозрительно.

Итан засмеялся.

Где-то далеко прозвенел колокол.

Никто не позвал их на занятия.

Никто не назначил им работу.

Никто не сказал, кем они должны стать.

Впервые в жизни перед Итаном лежал мир, который ничего от него не требовал.

И первая мысль, от которой он не сумел избавиться, была страшно простой:

тогда как он поймёт, чего стоит?

ДОРОГА I. САД

Первая шестнадцатилетняя жизнь

Глава 1. Нулевой понедельник

Первые месяцы этой жизни не запомнились им никаким великим открытием. Они запомнились отсутствием будильника. Никто не требовал вставать к восьми, если человек лучше думал ночью. Курсы можно было бросить после третьего занятия без отметки в личном деле. Еду не приходилось покупать, жильё – заслуживать, медицинский осмотр – откладывать до зарплаты. У шестнадцатилетнего Итана это вызывало почти физическое опьянение. Каждый день казался огромным незаполненным листом.

София сначала спала по десять часов. Не из лени: её организм, как оказалось, несколько лет носил в себе подростковую усталость, которую прежний мир считал нормальной. Потом она начала гулять по городу без цели, заходила на открытые репетиции, слушала лекции о доколумбовой музыке и возвращалась поздно, не испытывая привычного ощущения, что день нужно было оправдать результатом.

Итану такое отношение к свободе казалось расточительством. Через три недели его расписание снова стало плотнее школьного. Никто не заставлял. В этом и заключалась ловушка, которую он пока не видел.

Первое, что Итан почувствовал, было отсутствие ожидания.

Не тишина – тишина здесь была относительной. За открытой стеной спальни шелестели листья, где-то внизу прошёл электромобиль, почти бесшумный, но всё же оставивший после себя короткий вздох шин по влажному камню. Из сада доносилась вода: тонкая струя падала в неглубокий бассейн и раз за разом разбивала отражение неба. Мир был полон звуков, просто ни один из них ничего от него не требовал.

Итан открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок.

Он помнил Белую комнату, голос доктора Сен, прикосновение холодного обода к вискам. Помнил Софию напротив – ещё шестнадцатилетнюю, хотя в последние минуты перед подключением она казалась старше всех взрослых, которых он знал. Потом свет рассыпался, звук стал слишком глубоким, чтобы быть звуком, и мир словно втянул воздух.

А теперь был понедельник.

На стене напротив кровати мерцала простая надпись: «07:16. Доброе утро, Итан».

Под ней не было расписания. Не было напоминаний о занятиях. Не было слов «срок подачи», «подготовка», «рекомендованный курс», «вступительное испытание». Даже время выглядело не как приказ, а как справка.

Комната была большой, хотя слово «комната» плохо подходило этому пространству. Одна стена полностью раскрывалась в сад; прозрачная мембрана пропускала воздух, но удерживала влажность и насекомых. Пол был тёплым. На столе лежала одежда его размера, рядом – тонкая пластина интерфейса, которую он пока не трогал.

Он сел. Тело было тем же: длинные руки, худые колени, слишком быстро выросшие за последний год ступни. На левом запястье – родинка, которой он не придавал значения в настоящем мире и которую сейчас проверил первой. Она была на месте.

Симуляция не пыталась его обмануть. Наоборот, она стремилась быть настолько честной, насколько вообще может быть честным мир, созданный для проверки твоих решений.

Итан встал и вышел в сад.

За пределами дома город поднимался по зелёному склону широкими террасами. Стекло почти нигде не отражало солнце – поверхности мягко рассеивали свет, здания не конкурировали с ландшафтом высотой, дороги были узкими и большей частью скрывались под кронами. Вдалеке, за линией холмов, белела океанская дымка.

Он узнал Калифорнию не по архитектуре, а по воздуху: суховатая прозрачность утра, запах нагретых трав и эвкалипта, холодок, который ещё держался в тени до восьми.

Но это была Калифорния без тревоги.

Он не сразу понял, откуда возникло это впечатление. Люди внизу шли медленно. Никто не бежал к транспорту. Никто не ел на ходу. На террасе соседнего дома мужчина лет сорока сидел босиком, положив ноги на перила, и внимательно разбирал старый механический фотоаппарат. Девочка в школьной форме – если это вообще была форма – стояла у дорожки и спорила с домашним роботом, не желая надевать куртку. У пекарни напротив собралась небольшая очередь, хотя автоматическая кухня, вероятно, могла накормить весь квартал за минуты. Люди ждали хлеба, который кто-то решил испечь вручную.

В настоящем мире Итан привык считать подобные вещи декоративными. Здесь декоративным казалось всё остальное.

На столике под деревом лежала его информационная пластина. Она включилась, когда он коснулся её.

«Базовый гражданский контур активен.

Жильё: обеспечено.

Питание: обеспечено.

Медицинская поддержка: обеспечена.

Транспорт: обеспечен.

Образование: без ограничений.

Персональный ресурсный пакет: превышение базового уровня не требуется для комфортной жизни».

И ниже:

«Обязательства на сегодня: отсутствуют».

Он перечитал эту строку трижды.

В шестнадцать лет будущее обычно состояло из обязательств, ещё не наступивших, но уже стоящих в очереди. Выбрать профиль. Не провалить экзамены. Решить, какой университет. Понять, что будет востребовано через десять лет. Составить историю своей будущей полезности раньше, чем сам успел понять, кем хочет быть.

Здесь ничего этого не существовало.

Система предлагала ему раздел «Возможности». Он открыл его.

Внутри было столько всего, что на несколько секунд у него перехватило дыхание.

Трёхмесячный курс абстрактной алгебры. Экспедиция по восстановлению лесов на месте бывших сельскохозяйственных зон. Летняя школа по древнегреческому. Орбитальная практика наблюдения за солнечными бурями. Кулинарная мастерская в Нагое. Курсы композиции. Полевые исследования китовых языков. Семинар «Сознание и вычислимость». Программа физической адаптации к низкой гравитации. Введение в керамику. История доколумбовых систем счёта. Теория игр. Искусство ведения трудных разговоров. Садоводство. Палеогенетика. Хор.

Итан провёл пальцем по списку и вдруг рассмеялся.

Не потому, что было смешно. Просто внутри него что-то, годами сжатое невидимой пружиной, неожиданно отпустило.

Он мог выбрать всё.

И ничего.

К полудню он выбрал семь направлений и сразу получил мягкое уведомление, что средний подросток комфортно удерживает два-три интенсивных курса одновременно. Он добавил восьмой.

— Конечно, — сказала София, когда нашла его на открытой террасе образовательного центра.

Он поднял голову.

Она была в белой рубашке с закатанными рукавами и держала в руках чашку чего-то тёмного. Волосы собраны высоко, несколько прядей уже выбились и прилипли к щеке. Эта мелкая неряшливость подействовала на него сильнее, чем должна была. Вчера – или, точнее, несколько минут физического времени назад – они поцеловались впервые. Теперь они находились в мире, где могли прожить шестнадцать лет.

Само число ещё не помещалось в голове.

София поставила перед ним вторую чашку.

— Что это?

— Шоколад. Настоящий. Почти.

Он сделал глоток. Напиток был горьким, густым, с корицей и чем-то дымным.

— «Почти»?

— Какао выращено здесь, а не там, где выращивали у моей бабушки. Она бы сказала, что это юридически шоколад, а морально — нет.

Итан улыбнулся.

София посмотрела на его экран.

Восемь курсов отражались вокруг ладони полупрозрачными карточками.

Она ничего не сказала. Просто подняла брови.

— Я экспериментирую, — объяснил он.

— С чем?

— С пределом своих возможностей.

— Мы здесь меньше пяти часов.

— Тем более удобно начать измерение с нуля.

Она снова посмотрела на него тем взглядом, который он уже успел запомнить: как будто его слова были дверью, а ей было интереснее узнать, что находится за ней, чем спорить о самой двери.

Они пошли по кампусу.

В «Саду» не было университетов в прежнем смысле. Были центры, лаборатории, мастерские, сообщества наставников, исследовательские коллективы. Человек мог провести четыре года в одной области, потом уйти выращивать деревья, через десять лет вернуться в математику. Возраст почти ничего не значил. Дипломы существовали только там, где ошибка могла причинить реальный вред: хирургия, управление сложными инфраструктурными системами, безопасность транспорта. Всё остальное оценивалось работами, способностями, репутацией и собственным желанием продолжать.

На главной площади стояло огромное старое здание из песчаника, сохранённое среди новой архитектуры. На фасаде ещё читалось название университета, существовавшего здесь когда-то. Ниже кто-то прикрепил маленькую металлическую табличку:

«Раньше люди приходили сюда, чтобы получить право на работу.

Теперь приходят, потому что им интересно».

София долго смотрела на эти слова.

Итан сначала подумал, что она восхищена, но заметил, как изменилось её лицо.

— Что?

Она пожала плечами.

— Ничего. Просто думаю о моей бабушке.

Бабушка Софии, Лус, успела пожить в мире, где работа была не идентичностью, а условием выживания. В её детстве семья считала деньги до следующего урожая, взрослые уезжали на сезонные заработки, а болезнь могла разрушить бюджет на годы. София говорила об этом без красивой грусти. Она не считала лишения очищающими. Наоборот, всякий раз, когда кто-нибудь романтизировал «настоящую жизнь прошлого», в ней возникала почти семейная злость.

Теперь она стояла перед зданием, где труд перестал быть обязанностью, и, казалось, должна была радоваться без всяких оговорок.

Но София никогда не доверяла миру, который слишком легко разрешал все вопросы.

— Ты знаешь, что меня пугает? — спросила она спустя несколько минут.

Они сидели на ступенях, глядя, как над площадью медленно раскрываются теневые панели. Итан ждал продолжения.

— Здесь никто не сможет сказать: «У меня не было выбора».

— Разве это плохо?

— Не знаю.

Она провела пальцем по шероховатому камню.

— В старом мире почти любую несчастную жизнь можно было объяснить. Деньгами. Болезнью. Границей. Работой. Семьёй. Теперь представь, что тебе дали всё время мира, образование, здоровье, безопасность — и ты всё равно не стал никем, кем хотел быть.

Итан посмотрел на площадь иначе.

Впервые свобода показалась ему не только подарком, но и пространством, где исчезают оправдания.

Эта мысль задержалась ненадолго. Потом он увидел на экране уведомление о свободном месте в семинаре по вычислительной топологии и мгновенно записался. София рассмеялась.

В тот вечер они поднялись на холм над городом. Внизу зажигались окна, но улицы не становились темнее: дорожки мягко светились под ногами, а дома накапливали солнечную энергию и отдавали её ночью тёплым янтарём. На горизонте Тихий океан сливался с небом.

Они легли на сухую траву.

Итан думал о том, сколько можно успеть за шестнадцать лет.

София думала, вероятно, о другом. Она лежала рядом, закрыв глаза, и слушала ветер.

Итан потянулся к её руке. Она не открыла глаз, просто переплела пальцы с его.

Над ними медленно двигались звёзды — настоящие для этой модели настолько, насколько могла быть настоящей любая вещь, рассчитанная до последнего фотона.

Внизу жил мир, где человеку больше не нужно было заслуживать право существовать.

Итану казалось, что это и есть начало истории человечества.

Он ещё не понимал, насколько быстро человек умеет превратить подарок в экзамен.

Первый год в Саду запомнился им не достижениями, а отсутствием расписания, которое кто-то составил за них. Они могли проснуться в десять утра, проехать на побережье и вернуться только к ночи; могли провести три дня в мастерской керамики, а на четвёртый бросить её без объяснений. София однажды две недели училась печь хлеб у пожилой женщины из Лиона, которая никогда не работала пекарем, но помнила рецепт своей матери. Итан ходил туда с ней из-за запаха тёплого теста и каждый раз обещал себе не открывать учебный интерфейс хотя бы до обеда.

Они сняли маленькую квартиру над общественным садом. По утрам на стекле собиралась влага от автоматического полива, вечером снизу доносились голоса людей, которые приходили ухаживать за растениями без всякой необходимости. У них появилась чашка с трещиной, которую почему-то никто не выбрасывал, привычка оставлять обувь у двери и спор о том, кому мыть нож после авокадо. Эти мелочи не измерялись ничем. Пока что.

Глава 2. Индекс

Через два года «Сад» перестал казаться Итану симуляцией.

Не потому, что он забыл правду. Напротив, память о Белой комнате оставалась ясной, иногда слишком ясной. Он мог закрыть глаза и увидеть прозрачную перегородку, белые кресла, тонкую складку между бровями доктора Сен. Мог вспомнить, как София по дороге к подключению сказала, что не хочет обещать пройти все семь дорог вместе. Тогда эта осторожность казалась ему почти смешной.

Теперь он понимал, что шестнадцать лет – это достаточно долго, чтобы слово «эксперимент» утратило защитную силу.

Жизнь была жизнью, даже если где-то за её пределами существовала кнопка выключения.

К восемнадцати годам Итан успел отказаться от четырёх из первых восьми курсов, что счёл доказательством собственной зрелости. Он углубился в математику, теорию сложных систем и космологическое моделирование. Дополнительно занимался плаванием и китайским, хотя китайский продвигался хуже, чем ему хотелось.

София меняла направления чаще. Полгода изучала музыку Андского региона, потом исчезла на два месяца в антропологической экспедиции на юге Мексики, вернулась с загоревшими плечами и привычкой вставать до рассвета. После этого записалась на курс нейролингвистики, а через три недели бросила его и ушла в мастерскую к старой певице из Гвадалахары, которая преподавала не голос, а «умение оставлять в песне место для чужой памяти».

Итан не понимал, что это значит.

София не пыталась объяснять.

Они жили то вместе, то в соседних резиденциях, то на разных континентах. В «Саду» расстояние редко становилось настоящей преградой: транспорт был быстрым, а расписание принадлежало человеку. Если София писала утром, что скучает, Итан мог вечером оказаться в Оахаке. Если у него шёл сложный семинар, она прилетала сама и ждала у лаборатории, наблюдая за студентами, которые выходили оттуда с лицами людей, только что переживших небольшое интеллектуальное землетрясение.

Первый раз они расстались на четыре дня из-за того, что Итан попытался заранее рассчитать, в какое время им лучше обсуждать ссору.

После этого он стал осторожнее с оптимизацией отношений.

По крайней мере, ему так казалось.

Индекс появился не как государственная программа и не как обязательная система.

Поэтому его почти никто не боялся.

Сначала это был инструмент для образовательных сообществ – способ помочь человеку понять, какие навыки он развивает и где застрял. Платформа собирала только те данные, которые пользователь добровольно ей предоставлял: результаты исследований, творческие работы, спортивные показатели, оценки наставников, участие в проектах, тесты когнитивной гибкости, устойчивость внимания, способность к кооперации.

Никакого единого балла не существовало.

Потом кто-то создал визуальный профиль.

Не число – красивую многоцветную карту, напоминающую цветок с сотнями лепестков. У одного человека широко раскрывались логика и физическая выносливость, у другого – эмпатия, музыкальный слух и межкультурная компетентность. Карты выкладывали в общественные профили, как когда-то фотографии и списки интересов.

Потом карты научились сравнивать. Потом возникли агрегаты.

Потом кто-то обнаружил, что человеческому мозгу нравится одно число гораздо сильнее, чем сто сложных параметров.

Когда Итан впервые увидел свой Индекс, он сидел в кафе после семинара.

В углу интерфейса появился маленький круг. 84,6.

Под ним стояло: «Интегральный показатель развития. Экспериментальная функция. Не предназначена для иерархического сравнения людей». Итан засмеялся.

84,6 показалось ему абсурдно конкретным.

Он открыл расшифровку. Алгоритм учитывал не только интеллект и знания, но и физическое состояние, разнообразие опыта, качество социальных связей, способность к эмпатии, устойчивость к стрессу, глубину творческой практики. Показатель не обещал измерить ценность личности; напротив, на каждой странице повторялось предупреждение, что человек не сводим к метрике.

Итан проверил, как изменится число, если добавить результаты недавнего математического турнира. 84,9.

Он почувствовал краткое и совершенно нелепое удовлетворение.

Через неделю показатель был 85,3.

Через месяц – 86,1.

София обнаружила у него Индекс случайно.

Они сидели в маленьком доме на побережье, который арендовали на десять дней. Ночью прошёл дождь, утром стекло было покрыто каплями, а море выглядело серым и тяжёлым. София готовила завтрак – не потому, что это требовалось, а потому что автоматическая кухня, по её мнению, «делала яйца без воспоминаний».

Итан разбирал свои результаты на планшете.

Она прошла мимо, увидела число и остановилась.

— Ты включил это?

— Это просто агрегат.

— Я знаю, что это.

Она ничего не добавила. Итан начал объяснять сам.

Он говорил, что метрика полезна, если понимать ограничения; что обратная связь сама по себе не делает человека рабом оценки; что врачи измеряют давление, спортсмены – скорость, учёные – ошибки моделей. Нельзя отвергать инструмент только потому, что им можно злоупотребить.

София продолжала резать помидоры. Он наконец замолчал.

— Сколько у тебя? — спросил он.

— Не знаю.

— Ты не включала?

— Включала на неделю.

— И?

София выложила помидоры на тарелку и соскребла ножом семена.

— Я заметила, что после разговора с человеком думала не о разговоре, а о том, улучшилась ли моя социальная гибкость.

Это прозвучало так точно, что Итан на секунду почувствовал раздражение – не на неё, а на то, что аргумент оказался неудобным.

— Можно просто не относиться к числу настолько серьёзно.

— Конечно.

Она произнесла это спокойно.

Через несколько минут они уже говорили о другом.

Но Итан не выключил Индекс.

Он действительно не относился к нему серьёзно.

По крайней мере, первые месяцы.

Проблема заключалась в том, что число было умным.

Оно не росло от бессмысленной нагрузки. Если Итан записывался на десятый курс и бросал его после двух недель, показатель почти не менялся. Если он демонстрировал великолепные результаты в математике, но месяцами игнорировал сон, индекс снижался. Если общался только с людьми своего интеллектуального круга, падал показатель социальной широты. Алгоритм словно заранее знал все дешёвые способы обмануть рейтинг и лишал их смысла.

Чтобы улучшить Индекс, нужно было действительно становиться лучше.

Как можно быть против этого?

К девятнадцати годам открытые профили стали нормой среди молодых людей. При знакомстве никто не спрашивал число напрямую, как раньше могли не спрашивать зарплату. Но все знали, где его посмотреть.

Появились шутки про «семидесятников» и «девятиностиков». Появились приложения знакомств, которые клялись не использовать Индекс и при этом предлагали фильтр «совместимость по темпу развития». Появились закрытые сообщества для людей с высокими показателями, объяснявшие своё существование необходимостью «поддерживать оптимальную плотность взаимного стимулирования».

Официально всё это считалось дурным тоном. Неофициально это работало.

Итан видел, как устроен механизм, и всё равно не мог признать его опасным.

Потому что, в отличие от старых иерархий, здесь никто не наследовал преимущество. Нельзя было купить высокий балл. Нельзя было передать его ребёнку. У всех были одинаковый доступ к медицине, образованию и времени. Если человек становился выдающимся – разве не честно было это признать?

Однажды вечером Итан и София шли по выставке молодых художников. Она остановилась перед большой стеной, покрытой отпечатками ладоней. Сотни людей оставили на ней следы краски, а система превратила давление пальцев, температуру кожи и ритм движения в музыку, которая звучала вокруг.

Итану работа показалась красивой, но концептуально простой.

Он открыл профиль автора. 79,8.

Почти сразу поймал себя на том, что смотрит на инсталляцию уже иначе.

Не хуже. Просто иначе.

В этот момент ему следовало испугаться.

Вместо этого он подумал, что нужно научиться разделять качество работы и качество человека.

Число осталось в углу зрения.

Глава 3. Девяносто один и две

К двадцати одному году Итан научился просыпаться за минуту до будильника, хотя будильник ему давно не требовался.

Тело знало расписание лучше сознания. В 05:59 глаза открывались сами. Шесть минут на воду и растяжку, сорок пять – бег, пятнадцать – восстановление. Завтрак он ел, просматривая заметки ночной исследовательской группы в Сингапуре. К восьми был в центре вычислительной математики. После полудня – работа с подростками в образовательной программе, потому что алгоритм Индекса обнаружил у него слабость в «передаче сложных концепций неподготовленной аудитории». Вечером два раза в неделю – ансамбль ударных.

Итан не любил ударные. Поэтому и продолжал.

Неприятная правда состояла в том, что этот режим делал его счастливым.

Он никогда прежде не чувствовал такой ясности. Мир перестал быть хаотическим набором возможностей и превратился в пространство роста. Каждый день имел форму. Каждая

слабость могла быть обнаружена, каждая способность – развита. Он всё чаще ловил состояние, в котором усилие и удовольствие переставали быть противоположностями. Индекс рос медленно.

89,4...89,7...90,1.

На рубеже девяноста ничего не произошло. Не раздалась музыка, никто не прислал медаль. Но через день пришло приглашение в Круг перспективных исследователей – международное сообщество, где люди разных дисциплин обсуждали задачи, для которых пока не существовало языка.

Итан перечитал письмо дважды.

Затем трижды проверил, было ли приглашение автоматическим. Не было.

В Круге он впервые встретил людей, рядом с которыми чувствовал себя не самым быстрым человеком в комнате. Это оказалось почти физическим удовольствием. Биолог из Кении мог за пять минут построить аналогию между экосистемой кораллов и устойчивостью распределённых сетей. Девушка из Бенгалии, занимавшаяся теорией доказательств, прерывала Итана на середине фразы и заканчивала его мысль – только точнее. Пожилой историк технологий разбирал сложные модели так, будто видел внутри них не формулы, а человеческие привычки.

Он возвращался домой возбуждённым, говорил быстро, забывал есть и иногда не замечал, что София устала.

Она к тому времени жила в Мехико и работала с архивом голосов – огромным проектом, сохранявшим не песни как произведения, а бытовое пение: колыбельные, рабочие напевы, детские считалки, интонации молитв, которые люди помнили фрагментами. Её интересовало не совершенство исполнения, а то, почему одна и та же мелодия переживает войны, миграции, смену языков и технологий.

Итан любил слушать её записи поздно ночью.

В них были треск старых микрофонов, кашель, смех, шум кухни, собаки, автомобильные сигналы. Люди начинали петь и часто сбивались, просили начать заново, забывали слова. Иногда в середине записи кто-то плакал.

Система могла восстановить мелодии идеально.

София запрещала это делать.

— Ошибка тоже часть записи, — сказала она однажды.

Итан не спорил. Тогда это казалось ему красивой профессиональной особенностью Софии, а не принципом, способным когда-нибудь коснуться его жизни.

Они всё чаще жили отдельно. Не из-за конфликта – просто их дни перестали совпадать. В этом мире ничто не заставляло пару оставаться в одном городе ради работы, ипотеки, школы или страховки. Свобода убрала множество внешних причин быть вместе и тем самым оставила только одну: хотеть.

Это оказалось сложнее, чем предполагал Итан.

В конце весны он приехал к Софии на неделю.

Она встретила его на крыше старого дома в Койоакане, где архив арендовал несколько помещений. Стояла сухая жара. Воздух пах пылью, лаймом и цветущей жакарандой. На соседней крыше кто-то сушил ткань; голубые и жёлтые полотна поднимались от ветра, словно паруса.

София выглядела иначе, чем полгода назад. Волосы короче, кожа темнее, на пальце маленький порез, заклеенный полоской пластыря. В её лице появилось что-то спокойное, взрослое, чего он не мог связать с конкретным событием.

Итан почувствовал мгновенную любовь, за которой почти сразу последовала мысль: она изменилась без него.

Мысль была детской, и он её стыдился.

Первые два дня прошли легко. Они гуляли, ели на рынке, ночью долго лежали у открытого окна, слушая город. На третий день София познакомила его с командой архива.

Там был парень по имени Матео – мягкий, медлительный, с привычкой задумываться перед ответом. Он записывал песни у семей, которые переселились из прибрежных зон после подъёма океана. Итан сначала отметил его низкую скорость речи, потом – необычайную способность слушать.

Позже, когда Матео ушёл, Итан из любопытства открыл его публичный профиль. 74,3.

Он сделал это машинально. София увидела.

На лице у неё ничего не изменилось, но между ними вдруг возникло пространство.

— Что? — спросил Итан.

— Ничего.

Это «ничего» было хуже обвинения. Вечером они поссорились.

Не из-за Матео и не из-за числа. По крайней мере, начиналось всё не так. София говорила, что Итан приходит в комнату и почти сразу понимает, кто там «интереснее». Что он всё чаще слушает людей не как людей, а как возможные источники развития. Что даже отдых у него превращается в восстановительный протокол.

Он отвечал, что она преувеличивает. Он по-прежнему любил музыку, смеялся, занимался сексом, гулял без цели. Он не стал машиной. И вообще – разве плохо стремиться использовать свою жизнь полно? София долго молчала.

Потом сказала, что её пугает не его стремление стать лучше.

Её пугает, что он всё реже способен назвать момент, когда уже достаточно.

Эта фраза преследовала его несколько недель.

И всё же Индекс продолжал расти. 90,8.

91,0...91,2.

На 91,2 произошло нечто, чего система никогда не обещала и формально не делала: люди начали узнавать его число раньше, чем имя.

Кто-то написал исследование о распределении высоких показателей и упомянул его работу. Затем вышло интервью. Потом его пригласили читать открытую лекцию о моделях принятия решений в сложных системах. Зал был огромный.

Итан вышел на сцену и увидел тысячи лиц. За ними – ещё миллионы удалённых подключений. На секунду он снова почувствовал себя шестнадцатилетним мальчиком в Белой комнате, которому сказали, что работа больше не будет определять человека.

Теперь его определяло развитие.

Он говорил сорок минут без заметок.

Лекция была хорошей. По-настоящему хорошей. После неё к нему подходили люди, задавали вопросы, спорили. Подросток из Перу сказал, что из-за Итана решил вернуться к математике после двух лет перерыва.

Он шёл домой ночью и был счастлив.

Вот почему проблема оказалась такой трудной.

Если бы Индекс делал людей несчастными, его было бы легко отвергнуть.

Но он действительно помогал.

Он помог Итану стать дисциплинированнее, шире, терпеливее. Подтолкнул его преподавать. Заставил заботиться о теле. Показал слепые зоны. Благодаря ему Итан встретил выдающихся людей и сделал работу, которой гордился.

Разве инструмент становился плохим только потому, что кто-то использовал его для тщеславия?

Через месяц он приехал к Софии.

Она встретила его у станции. Они обнялись, и Итан понял по тому, как она прижалась к нему, что скучала.

Позднее, когда она уснула, он лежал рядом и смотрел в темноту.

На краю зрения светилось 91,3.

Он подумал, что, если перестанет заниматься ударными, показатель может снизиться на одну-две десятых.

И почти сразу почувствовал стыд.

Рядом спала женщина, которую он любил.

А он мысленно распределял время следующей недели.

Глава 4. Человек без числа

К двадцати четырём годам Индекс стал тем, чем когда-то были деньги, хотя никто не мог купить на него еду.

Он не давал большего дома. Не открывал доступ к лучшей медицине. Не позволял летать быстрее или жить дольше. Материально человек с шестьюдесятью баллами имел почти всё то же, что человек с девяноста шестью.

Поэтому защитники системы утверждали, что сравнение с деньгами нелепо.

И всё же появились районы, где жили в основном люди с высокими показателями – не потому, что остальные не могли себе их позволить, а потому, что «культурная совместимость» сама фильтровала соседей. Появились закрытые образовательные клубы, где вход формально зависел от портфолио, но средний Индекс участников был выше девяноста. Появились брачные консультанты, строившие прогнозы по разнице в темпе развития. Родители обсуждали детей не по оценкам, которых больше не существовало, а по траекториям когнитивной и эмоциональной зрелости.

И появились люди, которые утверждали, что всё это нормально.

Теперь хотя бы иерархия была заслуженной.

София выключила Индекс в двадцать три.

Она не скрыла профиль и не сделала его приватным. София отключила только агрегированное число, оставив отдельные показатели там, где они были нужны для работы и здоровья.

В её профиле вместо знакомого круга появилось серое поле:

«Интегральная оценка не используется по выбору владельца».

Итан увидел это вечером, когда они сидели на веранде дома её матери неподалёку от Оахаки.

День был жарким, но к ночи с гор спустился прохладный воздух. В саду пахло землёй и дымом. Елена, мать Софии, готовила на кухне моле вместе с роботом, которого она ругала за слишком одинаковый размер нарезанных овощей. Бабушка Лус сидела у окна и перебирала сухие стручки, хотя автоматическая сортировка могла сделать это быстрее и лучше.

Итан смотрел на серое поле дольше, чем следовало.

София кивнула.

— Почему сейчас?

Она несколько секунд думала.

— Потому что я начала выбирать людей по тому, как буду выглядеть рядом с ними.

Он не сразу понял.

София рассказала о пожилой женщине из одного горного поселения. Женщина помнила двадцать семь куплетов старой песни, которую архив не мог найти ни в одной другой записи. София приезжала к ней несколько недель. Они пили кофе, говорили о семье, иногда вообще не записывали музыку.

Однажды система сообщила Софии, что проект почти не влияет на её развитие: слишком мало новых когнитивных задач, низкая междисциплинарность, ограниченный круг контактов.

Она заметила, что на следующий день слушает старуху хуже.

Не потому, что перестала интересоваться песней.

Потому что часть её сознания уже считала время.

— Я испугалась, — сказала она.

Лус Рейес, бабушка Софии, подняла голову от стручков и спросила, что произошло. София пересказала историю с Индексом. Старуха выслушала, не прекращая работу, а потом вспомнила, как в молодости её соседка каждое утро вставала на весы и после хорошей цифры позволяла себе завтрак, а после плохой пила только кофе. Лус не стала делать из этого вывод. Она лишь сказала, что соседка выбросила весы после того, как однажды упала в обморок на автобусной остановке.

— И что было потом? — спросил Итан.

— Купила другие через месяц, — ответила Лус и снова занялась стручками. — Люди редко исправляются так быстро, как им хочется рассказывать.

Он объяснил, что проблема не в Индексе, а в неправильном использовании. София согласилась. Это раздражало сильнее, чем возражение.

— Я знаю, — сказала она. — Я неправильно его использовала. Поэтому убрала.

— Но тогда ты просто отказалась от обратной связи вместо того, чтобы научиться с ней обращаться.

— Возможно.

— Это как выбросить весы, потому что тебе не нравится цифра.

София посмотрела на него.

— Итан, я не тело, которое надо взвешивать.

Разговор закончился без скандала, но следующие дни между ними держалось лёгкое напряжение.

Итан пытался не придавать значения серому полю в её профиле. Не получалось.

Отсутствие числа замечали чаще, чем само число.

В кругу их знакомых отключение Индекса становилось заявлением. Кто-то воспринимал его как философскую позицию, кто-то – как кокетство, кто-то – как попытку скрыть низкий результат. Появилось даже слово «нулевые», хотя технически нуля там не было.

София ненавидела это название.

— Они не могут представить отсутствие шкалы, — сказала она однажды. — Поэтому превратили отсутствие числа в другое число.

Итан хотел возразить, но не смог.

Через две недели София позвала Итана на ужин к нескольким знакомым, которые тоже отказались от агрегированного числа. Встречались они в старой квартире над мастерской музыкальных инструментов. На столе стояли тарелки из разных наборов, кто-то принёс слишком сладкое вино, кондиционер работал плохо. Итану поначалу понравилось, что никто не спрашивает о проектах и показателях.

Разговор изменился, когда заговорили о Лейле Чен, исследовательнице реабилитационных программ. Кто-то заметил, что она по-прежнему публикует Индекс. София усмехнулась и сказала: «У неё девяносто два с чем-то. Она умеет превращать даже сомнение в достижение». За столом засмеялись.

Итан не засмеялся. Он спросил, что именно Лейла сказала в последней работе. София начала отвечать и остановилась: статью она не читала, только видела фрагмент интервью и число рядом с именем.

— Ты сейчас сделала ровно то, за что ругала меня, — сказал он без злости. — Увидела показатель раньше человека. Только у тебя высокий балл теперь считается не преимуществом, а пороком.

София вспыхнула и несколько минут доказывала, что высмеивает систему, а не Лейлу. Итан не спорил. От этого становилось только хуже. Позже, когда гости разошлись и они вдвоём мыли посуду, девушка долго тёрла уже чистую тарелку.

— Я была несправедлива, — сказала она наконец. — И мне очень не нравится, что ты это заметил раньше меня.

Итан протянул ей полотенце. Ему хотелось ответить чем-нибудь остроумным, но он удержался. В тот вечер серое поле в её профиле перестало казаться ему знаком нравственной победы. От числа можно было отказаться; привычка ранжировать людей оставалась внутри и легко находила себе новую шкалу.

Самым неприятным было то, что после отключения София не стала хуже.

Она продолжала учиться. Выпустила первую крупную работу об устной памяти в эпоху машинного восстановления. Научилась играть на виуэле достаточно хорошо, чтобы сопровождать полевые записи, хотя сама считала своё исполнение посредственным. Несколько месяцев работала волонтером в программе адаптации пожилых людей к нейроинтерфейсам. Стала спокойнее говорить на публике.

То есть всё, что должен был поощрять Индекс, происходило и без Индекса.

Итану следовало бы счесть это доказательством здоровья системы: человек мог выйти из неё и продолжать жить.

Но внутри него возникало другое чувство. Не зависть. Почти обида.

Как будто София отказалась участвовать в игре именно тогда, когда он научился играть хорошо.

В те годы они начали чаще ссориться о мелочах.

О том, почему Итан проверил отзывы после ужина, который приготовил сам. О том, зачем София отказалась от приглашения на престижную конференцию, потому что обещала провести неделю с бабушкой. О том, считается ли отдых настоящим отдыхом, если он заранее планирует его продолжительность. О том, зачем София сохраняет старые голосовые сообщения, когда система может сделать идеальную расшифровку.

Под каждым спором лежал один вопрос, который они почти никогда не произносили прямо.

Что делает жизнь хорошей: качество её содержания или право не доказывать это качество никому?

Однажды Итан пришёл на встречу старых друзей.

Один из них, Джулиан, раньше учился с ним в математическом центре. В двадцать лет он считался очень перспективным, потом неожиданно исчез из исследовательской среды. Итан не видел его почти три года.

Теперь Джулиан жил на северном побережье и выращивал деревья.

Не руководил программой восстановления лесов. Не проектировал экосистемы. Просто ухаживал за молодыми секвойями в небольшой общине.

Его Индекс был 68,9.

За столом никто не сказал ничего о числе. Но разговор устроился так, что Джулиану почти не задавали вопросов. Люди обсуждали новые проекты, открытия, языки, поездки, исследования. Один рассказывал о работе с искусственной гравитацией, другая – о новой теории музыкального восприятия. Джулиан слушал и улыбался.

Итан поймал себя на мысли, что ему нечего спросить.

Позже они вышли на улицу.

Джулиан рассказал, что секвойи первые годы требуют особого ухода. Они выглядят почти одинаково, но каждая растёт по-своему. Некоторые приходится защищать от грибка, некоторым нужен другой режим воды. Он говорил медленно, с интересом, без попытки сделать свою жизнь значительной.

Итан спросил, не скучает ли он по математике. Джулиан подумал.

— Иногда.

— Ты мог бы вернуться.

— Мог бы.

— Тогда почему не возвращаешься?

Джулиан посмотрел на него с искренним удивлением.

— Потому что не хочу.

Итан ждал продолжения. Его не было.

Этого ответа оказалось достаточно человеку, который его дал. Для Итана – нет.

Через несколько дней он рассказал об этой встрече Софии.

Она спросила только одно:

— Он счастлив?

Итан понял, что не знает.

Потому что не спрашивал.

Глава 5. Лучший из нас

В двадцать восемь лет Итан получил Премию Адама – одно из самых престижных признаний «Сада».

Когда-то подобные награды сопровождались деньгами, должностями, контрактами. Здесь они давали только внимание.

Постепенно внимание стало дефицитом, способным цениться дороже денег.

Работа Итана касалась устойчивых решений в системах с конфликтующими целями. Он вместе с небольшой группой разработал математический аппарат, позволявший сложным ИИ не скрывать моральные компромиссы внутри единого показателя эффективности, а показывать человеку карту потерь: что именно будет принесено в жертву ради каждого решения.

Ирония его не беспокоила.

Наоборот, он гордился тем, что модель сопротивляется упрощению мира до одного числа.

Церемония проходила в бывшем оперном театре Сан-Франциско. Здание сохранили почти без изменений: красный бархат, золото, тяжёлый потолок, который выглядел непрактично и потому особенно красиво в эпоху, где практичность перестала быть законом архитектуры.

София сидела в третьем ряду.

К этому времени она почти не появлялась на публичных мероприятиях Итана. Не из протеста, а потому что её собственная жизнь стала плотной и самостоятельной. Они всё ещё любили друг друга, но любовь приобрела форму материка, через который прошли границы. Можно было пересекать их свободно, однако сама карта уже существовала.

Когда объявили имя Итана, зал поднялся.

Он увидел Софию среди людей. Она аплодировала.

Итан вышел на сцену.

Несколько секунд он смотрел на лица и чувствовал странную пустоту. Не страх – страх он давно научился регулировать дыханием. Не радость. Скорее ощущение, что он уже был здесь много раз воображением и теперь реальность немного опоздала.

Его Индекс утром составлял 96,4.

Один из самых высоких публичных показателей среди людей его возраста.

Во время речи Итан говорил о том, что ни одна система не должна прятать цену выбора. О том, что оптимизация опасна, если она заставляет забыть, что улучшение одного всегда может ухудшать другое. О том, что человеку нужна не машина, принимающая решение вместо него, а инструмент, который не позволит ему лгать самому себе о последствиях.

Зал слушал очень внимательно.

После церемонии их окружили люди. Итан отвечал на вопросы, принимал поздравления, соглашался на будущие встречи. Он чувствовал себя одновременно живым и слегка отделённым от собственного тела, как будто наблюдал за человеком, которым когда-то хотел стать.

Поздно ночью они с Софией вернулись в квартиру.

На столе стояла бутылка вина. София сняла туфли и прошла босиком к окну. Внизу лежал город, мягко подсвеченный вдоль залива. Итан открыл вино.

Они выпили за него. Потом за работу.

Потом София сказала, что гордится им.

Этих слов он ждал весь день. Он поцеловал её.

На несколько минут всё стало просто: знакомое тепло её кожи, запах волос, рука у него на шее, медленное возвращение друг к другу после месяцев раздельной жизни.

А потом интерфейс в углу зрения показал вечерний отчёт.

«Высокая социальная нагрузка. Рекомендовано восстановление сна: 8 ч 20 мин. Завтрашние когнитивные сессии целесообразно перенести».

Итан машинально посмотрел на время.

София почувствовала это раньше, чем он понял, что сделал. Она отстранилась.

— Что?

— Ничего.

Но теперь «ничего» сказал он.

София стояла в полумраке и смотрела на него. Итан выключил интерфейс.

— Я просто посмотрел время.

Она кивнула.

В её лице не было злости. Это было хуже. Там была усталость.

Они сели на пол у окна. Долго молчали.

За стеклом двигался город, где никто не голодал, никто не работал до изнеможения, дети не теряли образование из-за бедности, болезни почти никогда не разрушали семьи. Человечество решило задачи, которые тысячелетиями считало фундаментальными.

И теперь двое людей сидели рядом и не знали, почему им так трудно быть счастливыми в один из лучших вечеров их жизни.

София сказала, что не хочет больше спорить об Индексе.

Итан ответил, что тоже. Она покачала головой.

Нет. Она имела в виду другое.

Ей больше не важно, выключит он его или нет. Она не хочет становиться человеком, который следит за тем, правильно ли Итан проживает собственную жизнь. Если он любит эту систему – это его выбор. Он почувствовал холод.

София продолжала говорить спокойно. За последние годы она поняла: их проблема не в числе. Проблема в том, что Итан смотрит на любой момент как на сырьё для следующей версии себя. Еда становится здоровьем. Разговор – эмоциональной компетентностью. Путешествие – расширением опыта. Дружба – социальной глубиной. Даже любовь рискует превратиться в среду развития. Он хотел возразить.

Но внутри него автоматически возник вопрос: насколько конструктивным будет спор сейчас.

Эта мысль была такой страшной, что он замолчал.

София увидела изменение его лица.

— Вот, — сказала она тихо.

Всего одно слово.

Он встал и прошёл к окну.

В стекле отражался мужчина двадцати восьми лет. Высокий, сильный, спокойный. Он знал четыре языка, публиковался в лучших исследовательских сообществах, преподавал, занимался музыкой, поддерживал физическую форму, имел друзей на трёх континентах. Он умел слушать лучше, чем в восемнадцать. Реже перебивал. Почти перестал исправлять людей по мелочам. Научился извиняться без объяснения, почему его ошибка была логична.

Итан действительно стал лучше.

И вдруг спросил себя: для кого? Ответ не пришёл.

На следующее утро София уехала.

Не навсегда. Они не объявили расставание. Она просто вернулась в Мехико, где у неё была работа.

Итан остался в квартире один.

В первые два дня он погрузился в дела. Потом заметил, что проверяет сообщения чаще обычного. На третий день написал ей длинное письмо и удалил. На четвёртый составил список изменений, которые мог бы внести в свой режим, и, увидев список, почувствовал отвращение.

Через неделю он отменил все необязательные встречи.

Впервые за много лет у него образовался пустой день.

Он проснулся и не знал, что делать.

Пошёл пешком через город.

Сан-Франциско изменился сильнее, чем любой город его детства. Бывшие офисные башни стали вертикальными садами, мастерскими, жилыми пространствами. Старые автомагистрали частично разобрали, на их месте тянулись пешеходные улицы. В некоторых кварталах специально сохраняли инфраструктуру XXI века как музей эпохи необходимости: турникеты, кассы, рекламные щиты, объявления «требуется опыт работы».

Итан вошёл в один такой музей.

За стеклом лежала старая карточка сотрудника. На ней была фотография мужчины лет сорока и подпись: «Старший менеджер по развитию региональных продаж».

Итан представил своего отца.

Дэниел Уокер принадлежал последнему поколению людей, для которых профессия была одновременно ответом на вопрос «что ты делаешь?» и «кто ты?». Когда автоматизация сделала его работу почти ненужной, он не обеднел. Он просто потерял доказательство собственной ценности.

В шестнадцать Итан считал, что никогда не станет таким.

Теперь он стоял перед стеклом и вдруг увидел сходство.

Отец измерял себя работой.

Итан измерял себя развитием. Инструмент изменился. Голод остался.

Вечером он открыл Индекс. 96,6.

Премия подняла несколько параметров репутационного вклада и общественной значимости.

Итан смотрел на число долго.

Потом впервые за десять лет спросил систему не «как улучшить показатель», а «что произойдёт, если я перестану его видеть?»

Ответ был прост:

«Ничего».

Глава 6. Ноль

Последние четыре года «Сада» оказались труднее первых двенадцати.

Не потому, что Итан выключил Индекс.

Он не выключил его сразу.

Сначала спрятал из постоянного интерфейса. Потом запретил ежедневные отчёты. Затем оставил только ежемесячный. Несколько месяцев по-прежнему открывал профиль вручную, когда чувствовал тревогу. Это напоминало привычку человека проверять старую дверь, даже зная, что дом давно пуст. Число медленно снижалось.

96,6...95,9...95,1.

Удивительно, но снижение почти не было связано с тем, что Итан стал хуже. Он просто перестал выбирать деятельность по максимальной развивающей отдаче. Он бросил ударные.

Сначала почувствовал стыд. Потом облегчение.

Продолжил бегать, потому что любил утренний холод, а не потому, что показатель физической формы влиял на агрегат. Отказался от двух престижных исследовательских групп, оставив одну, работу которой считал действительно важной. Несколько месяцев преподавал детям математику и обнаружил, что ему нравится группа восьмилетних, которые не понимали, почему доказательство должно быть элегантным, если ответ и так правильный.

Однажды он провёл три часа, помогая мальчику построить мост из магнитных элементов.

Мост всё время падал.

Когда наконец устоял, ребёнок радостно закричал.

Итан поймал себя на том, что не знает, улучшило ли это его самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.